Эпистемология и философия науки
2024. Т. 61. № 2. С. 43–50
УДК 167.7

Epistemology & Philosophy of Science
2024, vol. 61, no. 2, pp. 43–50
DOI: https://doi.org/10.5840/eps202461221

Значение: реализм vs скептицизм*

Ладов Всеволод Адольфович – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник.
Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук.
Российская Федерация, 634055, г. Томск, пр. Академический, 10/4.
Национальный исследовательский Томский государственный университет.
Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36;
e-mail: ladov@yandex.ru

В статье обсуждается прямое решение проблемы Крипке, предложенное Борисовым [Борисов, 2024]. Фиксируется актуальность рассматриваемой проблемы для современной философии языка и эпистемологии. Анализируются спорные аспекты в исследовании Борисова. Основной вопрос является следующим: какое решение проблемы Крипке можно было бы считать прямым? Утверждается, что решение Борисова не достигает уровня прямого решения, хотя и представляет собой существенный шаг в данном направлении. Обосновывается методологическая важность тезиса Борисова о том, что знание значения не есть интерпретация фактов речевого поведения.

Ключевые слова: Витгенштейн, Крипке, Борисов, значение, реализм, скептицизм, семантика, эпистемология

Meaning: realism vs skepticism

Vsevolod A. Ladov – DSc in Philosophy, Professor, Leading Research Fellow.
Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science.
10/4 Akademichesky Ave., Tomsk 634055, Russian Federation.
National Research Tomsk State University.
36 Lenina Ave, Tomsk 634050, Russian Federation;
e-mail: ladov@yandex.ru

A straight solution to Kripke's problem proposed by Borisov is discussed in the article. The significance of the problem for modern philosophy of language and epistemology is established. Controversial aspects in Borisov's study are analyzed. The main question is following. What solution to Kripke's problem would be considered straight? It is argued that Borisov's solution does not reach the level of a straight solution although it represents a significant step in this direction. The methodological importance of Borisov's thesis that knowledge of meaning is not an interpretation of the facts of speech behavior is substantiated.

Keywords: Wittgenstein, Kripke, Borisov, meaning, realism, skepticism, semantics, epistemology

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00019, https://rscf.ru/project/23-18-00019/

© Ладов В.А., 2024

Актуальность темы дискуссии

В своей статье Е.В. Борисов [Борисов, 2024] обращается к актуальной теме не только для современной философии языка, но и для эпистемологии в целом. Поскольку в традиции аналитической философии лингвистический опыт трактуется как наиболее фундаментальный, определяющий всю познавательную деятельность, постольку классический кантовский вопрос эпистемологии «Что я могу знать?» трансформируется здесь в вопрос о значении языкового выражения: «Что я могу знать о значении?» Тех философов, кто отстаивает позицию существования стабильных, четко фиксируемых значений языковых выражений, называют «семантическими реалистами» или «эпистемологическими реалистами». Мыслители, отрицающие существование стабильных значений языковых выражений, представляют позицию семантического (эпистемологического) скептицизма.

Одной из самых известных и радикальных скептических концепций внутри традиции аналитической философии была концепция позднего Л. Витгенштейна. Витгенштейн ставит под сомнение существование устойчивых значений языковых выражений. С его точки зрения, значение всегда вписано в контекст употребления слов в конкретных лингвистических практиках, значение и есть употребление, а не определяет наперед употребление как нечто стабильно данное: «…мы имели искушение думать, что можно вывести правило для употребления слова из его значения, которое мы предположительно схватываем как целое, когда произносим слово. Это ошибка, которую я бы вырвал с корнем» [Wittgenstein's Lectures, 1979, p. 51]. С. Крипке назвал витгенштейновский скепсис о значении самой радикальной скептической проблемой в истории философии: «Витгенштейн изобрел новую форму скептицизма. Лично я склонен рассматривать ее как наиболее радикальную и оригинальную скептическую проблему, с которой сталкивалась философия, проблему, которую смог бы сформулировать только очень необычный по складу ум» [Крипке, 2005, с. 60].

Из-за доминирования в поздней аналитической философии последователей Витгенштейна, наиболее влиятельным из которых оказался как раз Крипке, семантический (эпистемологический) скептицизм получил очень широкое распространение. На этом фоне исследования, в которых предпринимается попытка противостоять скептицизму Витгенштейна – Крипке, выглядят особенно актуально, поскольку их авторы стремятся вернуть в аналитическую философию реалистские позиции в семантике и эпистемологии, характерные для раннего этапа развития аналитической традиции, но утратившие свое влияние позднее. Представленное в статье Борисова исследование является именно таковым.

Уточнение

Моя реплика в данной дискуссии будет особенной в том смысле, что Борисов в своей статье сам во многом реагирует на мои исследования, которые тоже были выдержаны в духе семантического реализма. Поэтому я должен уточнить, по крайней мере, один момент, в котором, как мне представляется, Борисов не вполне правильно интерпретировал мои идеи.

Решение скептической проблемы Крипке, которое я в своей книге «Иллюзия значения» [Ладов, 2023а] назвал «умеренным», не сводится лишь к тому, что Борисов назвал «перформативным противоречием». По мнению Борисова: «Показав, что тотальный скептицизм невозможно высказать без перформативного противоречия, Ладов, однако, не пытается доказать противоположный тезис – тезис о возможности знания значений (поэтому он называет свое решение умеренным)» [Борисов, 2024, с. 27]. На самом деле предложенное мной решение скептической проблемы состояло из двух фрагментов. Первый из них – это, действительно, демонстрация противоречивости скептицизма, и Борисов излагает этот фрагмент моего решения вполне корректно. Но был и второй фрагмент, когда в опоре на метод математической индукции я все же попытался обосновать возможность знания значения знака «+», а именно, что под этим знаком мы, в противовес скептику, можем подразумевать вполне четкое значение [Ладов, 2023а, с. 310–312]. Несмотря ни на какие экстравагантные скептические примеры с функцией «квус», приводимые Крипке, мы способны, утверждал я, пользоваться знаком «+» именно в значении сложения, не рискуя незаметно подменить на каком-либо шаге употребления данного знака его значение на квожение. Таким образом, я назвал свое решение скептической проблемы Крипке «умеренным» все же не потому, что кроме указания на перформативное противоречие в позиции скептика я не представил никакого тезиса о возможности знания значения, как это интерпретировал Борисов, а по иной причине. По какой именно? Об этом я скажу ниже.

Спорные аспекты в статье Борисова

Я рискну предположить, что для участников настоящей дискуссии наиболее спорными аспектами в статье Борисова окажутся следующие два. Сразу хочу сказать, что по первому аспекту я Борисова поддержу, а по второму оставлю вопрос открытым. Но давайте по порядку.

1) Борисов приводит рассуждение по форме modus ponens. Если мы говорим, то мы знаем значения используемых в речи языковых выражений. Мы говорим. Следовательно, мы знаем значения. Но предпосылка, что мы говорим, на основании которой и выстраивается рассуждение, не выглядит, как может показаться, надежной. Данное рассуждение Борисова сходно с рассуждением Фреге в контексте его критики психологизма [Фреге, 1997, с. 37]. Если существует наука, то есть объективное знание, несводимое к психическим переживаниям субъекта. Но поздний Витгенштейн, например, мог бы усомниться, что наука как свод объективных истин существует. Есть лишь иллюзия существования науки. Витгенштейн говорит так даже о математике. Это становится видным в его ответе фон Вригту на лекциях в Кембридже, когда фон Вригт заявляет, что в математике мы имеем дело с тем, что называем необходимостью, на что Витгенштейн парирует, подчеркивая: «Да, ответ таков: “Это есть то, что мы *называем* необходимостью…”» [Wittgenstein’s Lectures, 1976, p. 241]. Витгенштейн здесь подразумевает, что то, что мы называем необходимостью, таковой на самом деле не является. И все же я думаю, что Борисов прав. Мы говорим. Это можно обосновать посредством того, что Борисов называет перформативным противоречием, и того, что я в других своих работах называл аргументом, основанным на явлении самореферентности [Ладов, 2017; Ladov, 2019; Ладов, 2023b]. Если допустить, что мы не говорим, то мы говорим, что мы не говорим. Это противоречиво. В своем отрицании мы сами же опираемся на то, что отрицаем.

2) А вот второй важный аспект статьи Борисова представляется мне уже более сомнительным. Я не рискнул называть свое решение проблемы Крипке прямым, несмотря на то, что и в моем умеренном решении, как я сказал выше, не просто скептическая позиция приводится к противоречию, но и обосновывается тезис о том, что мы способны отдавать себе отчет о значении знака «+». По сути, то же утверждает и Борисов, когда говорит, что мы знаем значения. Почему тогда Борисов представляет свой результат как доработку моего исследования? Почему он называет свое решение прямым? Борисов утверждает, что «…процесс расширения скепсиса ведет к тотальному скептицизму, который, как показывает Ладов, не допускает внятного выражения, а значит, должен где-то остановиться» [Борисов, 2024, с. 31]. Любая скептическая проблема, любой скептический тезис сам может быть построен только на некотором позитивном основании. Например, на допущении, что мы в принципе говорим, или на допущении однозначности построения натурального ряда, как в случае со скепсисом Крипке. Я действительно старался это показать. Но, по моему мнению, это лишь косвенная логическая аргументация в защиту семантического реализма. Эта аргументация

показывает только то, что противоположная точка зрения тотального семантического скептицизма несостоятельна, не реализуема как внятная теоретическая позиция. Но это еще не прямое решение скептической проблемы о значении. Прямым, на мой взгляд, было бы такое решение, которое бы обосновывало правоту семантического реализма без ссылки на нереализуемость противоположного. Семантический реализм должен показать, за счет каких познавательных ресурсов и как именно осуществляется процесс познания стабильных, нерелятивизируемых значений языковых выражений. Здесь Борисов делает очень важный методологический шаг. Он обращает внимание на то, что для обоснования знания значений необходима, по сути, радикальная смена концептуальной оптики, переход к иной эпистемологической парадигме. Борисов утверждает, что знание значений не есть интерпретация эмпирических фактов речевого поведения. Причем под интерпретацией речевого поведения может подразумеваться не только интерсубъективный уровень, где возникают проблемы адекватности перевода, как это было, например, у Куайна [Quine, 1960], но и более радикальный субъективный уровень, когда сам агент речи не может задать однозначную интерпретацию фактов своего собственного речевого поведения, исходя из прошлого опыта. Этот максимально радикальный вариант скептической проблемы как раз и представлен у Крипке. Так вот Борисов говорит, что знание значений вообще не следует искать где-то здесь, в этой области. На мой взгляд, это совершенно верный и необходимый тезис для семантического реализма. Но этот тезис все равно недостаточен для прямого решения скептической проблемы. Семантический реалист должен показать, как именно в рамках иной эпистемологической парадигмы можно прописать процесс схватывания стабильных значений. Этого не сделал я в своей работе «Иллюзия значения», но этого ведь не делает и Борисов. И я, опираясь на метод математической индукции, и Борисов, задавая операцию сложения через рекурсивную функцию, в конце концов, признаем, что даже в этих случаях, когда мы, казалось бы, все понимаем строго определенно, скептицизм все равно может быть продолжен далее относительно значения слов «равенство», «всеобщность», «следующее за», относительно однозначности построения натурального ряда и т.д. После этого свою позицию семантических реалистов мы укрепляем снова только лишь косвенной логической аргументацией, указывая на то, что тотальный скептицизм не реализуем, противоречив и что каким-то образом и реалист, и скептик в основе своих взглядов опираются на предпосылку о знании значений. Борисов утверждает, «…что на каком-то этапе дискуссии мы принимаем знание значений как данность, не сводимую к интерпретации речевого поведения; тем самым мы принимаем прямое решение проблемы скептицизма» [Борисов, 2024, с. 31]. Но дело в том, что прямое решение нужно

не просто принять, сначала его нужно выработать, артикулировать. Как происходит схватывание значений? Как осуществляется эта эпистемическая процедура? Если это не эмпирический процесс интерпретации фактов речевого поведения, то что это за опыт? И можно ли вообще познание значений назвать опытом? Как именно решается проблема доступа (the access problem) к объективным значениям, независимым от субъекта? Борисов не отвечает на эти вопросы, как и я. Почему же тогда мое решение скептической проблемы Крипке является лишь умеренным, а решение Борисова прямым? Здесь либо я слишком поскромничал, либо Борисов ведет себя слишком нескромно.

Теоретическая значимость исследования Борисова

Несмотря на то, что вопрос о прямом решении скептической проблемы Крипке, на мой взгляд, так и остается открытым, я бы хотел подчеркнуть несомненную важность тезиса Борисова о том, что знание значения не предполагает интерпретации фактов речевого поведения. Этот тезис важен в силу следующих обстоятельств.

Во-первых, он показывает, что Крипке ищет значения вообще не там, где они могут быть. Весь скепсис о значениях работает вхолостую. Мы сначала утверждаем, что знать значение – это правильно интерпретировать факты речевого поведения (речевые акты собеседника или свои собственные речевые акты в прошлом), демонстрируем, что никакая полностью определенная интерпретация здесь невозможна, и заключаем отсюда, что нет никаких значений. Максимум, что мы можем сказать о значении, – это то, что значение есть употребление, которое релятивизируется от одной конкретной речевой практики к другой (собственно, в этом весь поздний Витгенштейн, на котором основывается Крипке, и состоит). Но дело в том, что, как правильно утверждает Борисов, изначальная предпосылка, на которой выстраивается все это скептическое рассуждение, неверна. Знание значений не есть знание о фактах.

Во-вторых, тезис Борисова показывает, сколь глубоко укоренена традиция аналитической философии в эмпирицистской эпистемологии, характерной для англо-американской философской мысли в целом. Мы можем сказать это, по крайней мере, о тех аналитических философах, кто развивал антиреалистские (скептические, релятивистские) идеи. Ни Куайн, ни Гудмен [Goodman, 1978], ни Дэвидсон [Davidson, 2001], ни поздний Витгенштейн, ни Крипке не отдают себе отчета в том, насколько их исследования в области философии языка зависимы от более общей эпистемологической установки, трактующей результат познавательного про-

цесса в целом либо как знание о фактах чувственного восприятия, либо как знание о фактах психической жизни, данных в интроспекции. Именно исходя из этой общей эпистемологической установки осуществляется и исследование языка, само понимание языка. Язык трактуется как элемент естественной истории развития людей как психофизических существ. Язык натурализируется. На это указывает, например, один из наиболее известных представителей семантического реализма в современной аналитической философии Д. Катц [Katz, 1990; Katz, 2000]. Мне думается, что и тезис Борисова может быть направлен в том числе на фиксацию иной методологии исследования семантики языка: для того чтобы научиться говорить о значениях, в первую очередь придется изменить саму эпистемологическую парадигму, в рамках которой, по преимуществу, привыкла работать англо-американская философия.

Список литературы

Борисов, 2024 – *Борисов Е.В.* Прямое решение проблемы Крипке // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61. № 2. С. 23–32.

Крипке, 2005 – *Крипке С.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. Томск: Изд. Том. ун-та, 2005. 152 с.

Ладов, 2017 – *Ладов В.А.* Решение логических парадоксов в семантически замкнутом языке // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 52. № 2. С. 104–119.

Ладов, 2023а – *Ладов В.А.* Иллюзия значения: Проблема следования правилу в аналитической философии. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2023. 336 с.

Ладов, 2023б – *Ладов В.А.* О парадоксах: ответ оппонентам // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60. № 3. С. 68–76.

Фреге, 1997 – *Фреге Г.* Логические исследования. Томск: Водолей, 1997. 127 с.

References

Borisov, 2024 – Borisov, E.V. “Pryamoe reshenie problemy Kripke” [A Straight Solution to Kripke’s problem], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2024, vol. 61, no. 2, pp. 23–32. (In Russian)

Davidson, 2001 – Davidson, D. *Inquiries into Truth and Interpretation*. Oxford: Clarendon Press, 2001.

Frege, 1997 – Frege, G. *Logicheskie issledovaniya* [Logical Investigations], trans. by V.A. Surovtsev. Tomsk: Vodolej, 1997. (Trans. into Russian)

Goodman, 1978 – Goodman, N. *Ways of Worldmaking*, Indianapolis: Hackett, 1978.

Katz, 1990 – Katz, J. *The Metaphysics of Meaning*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1990.

Katz, 2000 – Katz, J. *Realistic Rationalism*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2000.

Kripke, 2005 – Kripke, S. *Vitgenshtein o pravilakh i individual'nom jazyke* [Wittgenstein on Rules and Private Language], trans. by V.A. Ladov and V.A. Surovtsev. Tomsk: Tomsk University Press, 2005. (Trans. into Russian)

Ladov, 2017 – Ladov, V.A. "Reshenie logicheskikh paradoksov v semanticheski zamknutom yazyke" [Logical Paradoxes Solution in Semantically Closed Language], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2017, vol. 52, no. 2, pp. 104–119. (In Russian)

Ladov, 2019 – Ladov, V. "Wittgenstein's Tractatus Logico-Philosophicus and a Hierarchical Approach to Solving Logical Paradoxes", *Filosofija. Sociologija*, 2019, vol. 30, no. 1, pp. 36–43.

Ladov, 2023a – Ladov, V.A. *Illyuziya znacheniya: Problema sledovaniya pravilu v analiticheskoj filosofii* [The Illusion of Meaning: The Rule-Following Problem in Analytic Philosophy]. Moscow: Kanon+, 2023. (In Russian)

Ladov, 2023b – Ladov, V.A. "O paradoksakh: otvet opponentam" [On Paradoxes: Reply to Critics], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2023, vol. 60, no. 3, pp. 17–30. (In Russian)

Quine, 1960 – Quine, W.V.O. *World and Object*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1964.

Wittgenstein's Lectures, 1976 – Diamond, C. (ed.) *Wittgenstein's Lectures on the Foundations of Mathematics, Cambridge, 1939*. Ithaca, New York: Cornel Univwrsity Press, 1976.

Wittgenstein's Lectures, 1979 – Ambrose, A. (ed.) *Wittgenstein's Lectures, Cambridge, 1932–35*. Oxford: Basil Blackwell, 1979.